

На презентации трилогии «Перекасти-поле» Владимира Георгиевича Нестеренко заместитель главы Сухобузимского района А. В. Гильдерман говорил: «Выход этой книги — важное событие не только для российских немцев, но и для каждого читателя, ибо роман не оставляет никого равнодушным. Мой отец со слезами на глазах читал и перечитывал книгу».

Так же отозвалась о романе главный архитектор Красноярска Л. Звягинцева, когда прочитала книгу сама и её мама. Жительница Сухобузимского В. Копцева рассказывает: «Мы только начали стройку дома, как мужу попала в руки книга „Перекасти-поле“. Читал он её урывками три дня, я откровенно возмущалась: нашёл время! Но вот закончил чтение он, любопытствовала и я. И не могла отложить её. Со слезами на глазах читала и вспоминала своих родителей, раскулаченных и высланных в Сибирь, оплакивала своё тяжкое послевоенное детство и жизнь, сопряжённую со страхом...»

Мы присоединяемся к этой оценке читателей. Они — главные ценители вышедшего в свет произведения. Но поскольку дилогия, а затем трилогия выпущена крохотным тиражом в триста экземпляров и недоступна широкому кругу читателей, хочется рассказать о её литературных достоинствах и поблагодарить автора за вдохновенный труд.

Романы об исторических событиях и личностях привлекательны не только выбранным и раскрытым историческим отрезком, но и тем, каким языком написаны, в какую форму облачены, отвечают ли исторической правде. Об этом в своё время говорил Василий Ян: «Помимо того, что он должен быть исторически точен и увлекательно написан, прежде всего должен быть учителем героики, правды и добродетели». Бесспорная истина. Историческая правда служит источником понимания и познания сформировавшегося человека. Вот почему созданные произведения на историческую тему ни в коей

мере «не отвлекают от современности, а наоборот, помогают глубже понять наше настоящее».

Эти два высказывания очень точны и важны. Но мы теперь знаем, что многие литературные произведения, написанные в советскую эпоху, не отражали историческую правду, они отражали правду правящей партии. И в этом смысле роман «Перекасти-поле» В. Г. Нестеренко несёт в себе истинное положение вещей. Читая роман о судьбах немцев Поволжья (действия начинаются весной 1941 года), приходишь к выводу, что страдания героев книги, их тяжкая, на грани выживания, жизнь не возникли на пустом месте, все невзгоды возвращены социалистическим государством и шли параллельно со всем российским народом, ибо это был кровавый почерк власти, единый с почерком партийных вождей. До сих пор аукается изгнание с родных мест неудобных народов: в Чечне долго шла война, в Крыму не вполне обустроены вернувшиеся на свою родину татары, продолжается отток российских немцев из страны.

В стремлении рассказать правду о дичайшем насилии над одним из народов Советского Союза, автор выстраивает композицию трилогии в хронологическом порядке и разрабатывает несколько сюжетных линий, которые переплетаются между собой и выливаются в единый драматический поток искалеченных судеб героев произведения.

Два лучших председателя Немецкой автономии направляются в Саратовскую область для подъёма отстающих колхозов («Изгнание»). Этот сюжетный ход понадобился автору, чтобы отчётливее показать, что пока в стране мир, к немцам со стороны власти нет никаких претензий. Более того, авторитет немецкого бауэра как хозяйственника и организатора высок и удостоен внимания ЦК партии, который признал Немреспублику образцовой.

Но не только для этого автор уводит в отстающие колхозы двух лучших председателей, один из которых, Артур Краузе, становится главным героем трилогии. У этой сюжетной линии несколько задач и целей: показать мастерство в организации труда; отношение к немцу коммуниста, капитана НКВД Д. Ковтуна как представителя всевидящего глаза и всеслышащего уха — карательного исполнителя воли Политбюро. Человек Ковтун видит, как Краузе отдаёт всего себя строительству колхоза, и проникается к нему симпатией, сам впрягается в председательскую лямку, и вдвоём они тащат тяжкий воз упавшего хозяйства, ощущая вместе, что воз выравнивается и набирает ход. Но чекист

Ковтун всегда на страже. Вот он придрался к девушкам, которые добровольно шли на сенокос, пели песню о Сталине и при этом веселились. «А я думал, песня вас развеселила,— подозрительно всматриваясь в лица девушек, усомнился Ковтун.— А песня-то серьёзная. Её и петь надо серьёзно». И всё же службист Ковтун, а он и есть службист (за двое суток выселил две немецкие деревни), приходит к выводу: «Бандитов чаще порождает власть, нежели народная среда. Я же являюсь этим бандитом». Но он ловит себя на слове, давая более точную характеристику: «Я правильный, когда сверху идут правильные команды, как это было весной и летом, вплоть до начала войны! Но я такой же зверь, как ты, Артур, справедливо заметил, когда поступают зверские приказы, вроде калининского указа».

Эта сюжетная линия «зверских команд» пролегла через весь роман. За Д. Ковтуном идёт длительная и упорная охота. Его подозревают в том, что он знает тайну фашистского десанта в Нем-республику, и считают его неблагонадёжным: в одном из «парашютистов», якобы высадившихся в республике, Ковтун узнаёт своего племянника-студента. Разумеется, была дана команда на уничтожение Ковтуна. Но многообразные «зверские команды» не изжили себя и в нашем недавнем тоталитарном прошлом. Тяжесть их испытывает на себе бывший трудармеец, учёный агроном Эдуард Краузе: чтобы не ломать сводку уборочной страды, секретарь крайкома приказывает ему немедленно молотить семенную элиту. По его же настоянию получает выговор за несуществующий огрех на скоростной косовице силосных, хотя годом раньше за этот метод был награждён высшим орденом.

И ещё одна причина развития этой сюжетной линии: власти не важно, где ты, кто ты, как зарекомендовал себя в труде и политически,— всё равно ты обречён, поскольку спущенная сверху травля должна захлестнуть всякого без исключения. Иначе диктатура понесёт ущерб, надлом — и, чего доброго, падёт.

В книге есть элементы официальной хроники, но они настолько органично вписаны в художественную канву произведения, что не только не удручают, а наоборот, вызывают повышенный интерес, справедливое негодование к тому безграничному цинизму и жестокости власти, исполнителям воли верховных правителей, потому что все события проходят через переживания, мысли, душу героев. Это и будоражащие сознание сцены с фальшивыми десантниками и расстрел их, ни в чём не повинных крепких советских парней, которые могли

послужить отечеству на фронтах войны; и минуты оглашения Указа Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья»; и, бесспорно, часть лучших страниц о человечности одного из главных героев Виктора Фукса в воспитании голодающего подростка, а в дальнейшем его палача — палача не по натуре, а по зверским условиям выживания, которые изобретены вождями революции. Эти «зверские приказы» — кровавая поступь власти по всей огромной стране — отпечатались во всех её закоулках и всех народах, населяющих гигантскую территорию, и кровавые отметины видны на каждом персонаже романа, и они, к сожалению, не зарубцовываются и продолжают кровоточить до самых последних страниц повествования, которое заканчивается в разгар горбачёвской предательской перестройки.

Своеобразно подан в романе зловещий указ о переселении немцев Поволжья. Он изложен полностью, но разорван событиями, которые не подтверждены документами, однако опираются на слухи и разговоры, на некоторые публикации в газетах в послевоенный период. Это событие — десант фашистских парашютистов (по одной версии — переодетых красноармейцев) с целью проверить, как к ним отнесутся местные немцы, чтобы судить об их благонадёжности. Но есть и другое толкование: нигде так глубоко в тылу враг не высаживается, а вот у немцев Поволжья высаживается, то есть ищет базу, поддержку, вербует агентуру. Отсюда и почва для упреждающего беду указа, в котором говорится о тысячах и десятках тысяч диверсантов, окопавшихся в республике. Но никакого десанта нет! Это всего лишь провокация, устроенная НКВД, на которой базируется коварно задуманное переселение на восток сотен тысяч трудящихся. Один из главных героев романа, участник пленения мифического десанта капитан Ковтун, слушая указ, удивляется коварству своего родного ведомства. С этой-то минуты (в десантнике он узнаёт своего родного племянника-студента) у службиста НКВД открываются глаза, и автор показывает его в дальнейшем иным человеком, с иными действиями.

Никто не станет отрицать, что советская власть, её идеологическая пропаганда сумела заронить в души своих граждан патриотические чувства, и в романе прозрачно видна эта героика. Преданность земле отцов и дедов демонстрирует молодёжь, идущая добровольно на фронт. Но уже дано соответствующее распоряжение, и немцам в призыве и защите своего отечества

отказывают. Это выливается в возмущение и конфликт с властью в Марксштадте. Первому секретарю райкома В. Фуксу удаётся его погасить бескровно. Парни вынуждены вернуться домой, к своим любимым, продолжить трудовую жизнь в надежде на здравый смысл и скорый призыв на фронт. И как же рады несостоявшиеся добровольцы, когда в «Правде» читают о награждении орденами своих земляков за героические действия в схватке с врагом. Этой героике отвечают все батальные сцены, участниками которых являются и российские немцы-фронтовики. Выразителен, но в то же время удручающ эпизод, когда снятая с передовой группа солдат и офицеров российских немцев попадает в пробку на мосту, где подполковник растаскивает её. На помощь ему приходит эта сборная, теряющаяся в догадках группа с капитаном Фрицлером. Никто ещё не знает, что этих солдат и офицеров сняли с фронта.

«— Да я тебя, кажись, знаю, капитан, я доты оснащал, которые ты построил в укрепрайоне. Кажись, как же, как же, дай Бог памяти, Фрицлер ты?

— Так точно, подполковник Донченко, он самый.

— Нехай, новые доты поехал строить? Давай, капитан, поторапливайся. Мы тут фашиста, кажись, крепко пощекочем. Был утром на передовой. Видел, как танки на шоссе, а там ежи вбетонированы и бронебойщики засели. Отбили атаку! Прямой наводкой били! Дымят утюги! Вот туда и везу снаряды. Не твоя ли работа, ежовая? — Донченко довольно засмеялся, омолаживая улыбкой своё осунувшееся в тревогах лицо, пожимая руку капитану и глубоко затягиваясь дымом папиросы.

— Моего подразделения, так будем говорить, подполковник...»

Но вместо строительства обороны, вместо призыва в воюющую армию — поголовное нечеловеческое изгнание.

Это изгнание показано через взгляд на действительность Артура Краузе, через его душу, через его сердце. В момент выселения его земляков из родной Карловки Краузе не было в селе, он поднимал с колен, по велению партии, отстающий колхоз в Саратовской области. Весть об изгнании принёс ему капитан НКВД Ковтун, одновременно предлагая воспользоваться паспортом на имя русского человека, чтобы беспрепятственно разыскать свою семью. Но не привыкший ловчить Артур сначала отказывается от услуги, однако, поняв, насколько коварно поступили с его народом, принимает условие.

«Тебе я советую всё же взять паспорт, он у меня в машине, и отправляться на поиски семьи в Сибирь. Не сомневайся, ты имеешь на это право, право на выживание. Кто поставил тебя вне закона, кто обвешал тебя красными флажками, кто заставил тебя покидать землю, на которой родился? Власть! *Но власть, поставившая невинного человека вне закона, сама за бортом закона.* Не терзай себя, забудь о всякой морали; кстати, у тебя же никакого документа нет, кроме партийного билета».

Жуткую картину безлюдья, пустые дворы и дома, надрывный вой собак, рёв не доенных коров увидел Артур в родной Карловке. Его полные опасности скитания в поисках семьи внесли смуту в некогда стройный образ мыслей, в веру и правоту дел компартии. Начались его идейные терзания, иной взгляд на ликвидацию нэпа, частного землевладения и коллективизацию — как причину репрессий и голода, обнищания крестьянства. Он теперь не дорожит партийным билетом, разочаровавшись в главном: режим, который он поддерживал, предал его и его народ. Сильный и мужественный человек, он не переносит свои обиды на страну, на народ. Он готов защищать её от врага, готов трудиться не покладая рук во имя жизни своих близких, во имя победы над врагом, с которой, он уверен, изменится и само отношение к трудовым немцам. Спасения в ином Артур не видит, находит в себе силы, помогает наладить жизнь своим соотечественникам на новой земле и становится опорой для поселенцев, которые мало в чём ему уступают. И всё же он сильнее и подставляет плечо падающему. В эпизоде, когда мобилизованные в трудармию («Под удар топора»), они столкнулись по прибытии в лагерь с жуткой сценой перевернувшегося ящика с мертвецами, а Андрей Гютенгер не смог выдержать безумной картины, впал в истерику, и его стало тошнить, первым на помощь пришёл Артур. Терзающегося за своё малодушие Андрея он поддержал ёмким словом: «Это не стыд. Это нормальная человеческая реакция. Стыдиться должны те, кто это сотворил. Но они не знают, что это такое. Величина стыда человека определяет его нравственность и саму суть человека разумного; если стыда нет — человек подобен зверю. Мы попали в нечеловеческое общество. Запомним этот урок и попробуем выработать правило сопротивления зверскому содержанию людей».

Что мог ещё противопоставить власти загнанный за колючую проволоку человек без вины? В неволе было всё: нежелание работать в нечеловеческих условиях, в ответ — арест и

суд; протесты против насилия и издевательства, в ответ — расстрелы (не избежал его отважный танкист старший лейтенант Рисс, отличившийся в боях и награждённый орденом, но, попав за колючую проволоку, отказался снимать знаки различия и, защищая свою офицерскую честь, поплатился жизнью); требование обеспечить нормальное питание на тяжелейших работах и крышу над головой, в ответ — карцер; побег, которые карались либо расстрелом, либо огромным сроком заключения; наконец, самоотверженный молчаливый труд как самый эффективный способ выживания. Артур Краузе в конце концов избрал для себя защиту — побег. Он воспользовался паспортом на имя русского человека и становится солдатом Красной Армии, заканчивает войну гвардии капитаном (прототип — Г. Рихтер, подполковник медицинской службы). Под русской фамилией этот российский немец сражается с фашистами; вопреки вождистскому мнению, он не бьёт в спину тем, с кем жил. Он защищает ту землю, на которой живёт его семья. В тылу врага раненый Смирнов признаётся своему напарнику-радисту Власику, осведомителю ГПУ, что он немец. Артур переживает мучительные вопросы о понятии родины и приходит к мнению, что она там, где его семья. Раненые корректировщики огня всё же возвращаются к своим. Теперь Власик, лишившись от контузии речи, тоже перед мучительным выбором: долг коммуниста и осведомителя заставляет его пойти и рассказать о Смирнове, кто он такой. Он борется с собой, но переломить в себе стереотип слепого подчинения власти не может и пишет докладную своему командиру батареи, который вёл огонь по противнику по данным Смирнова. Эта острая ситуация должна разрешиться, по всей видимости, трагично для Смирнова-Краузе. Но, узнав, что их обоих представили к высшей награде, Власик теряет рассудок, а комбат не даёт хода его донесению. Тайна Смирнова остаётся в голове у командира батареи, который очень ценит своего боевого товарища, назначая его командиром орудия.

Было бы неверно однозначно понимать мужественную борьбу переселенцев за выживание в суровых сибирских условиях без крова и гарантированного питания, что это их дело и право как неблагонадёжного народа, родственного агрессору. Соприкосновение сибиряков с изгнанниками воспринимается по-разному. Многие уже побывали в их шкуре. И не так сыты и одеты они, чтобы не понять горькую судьбу прибывших.

Сдержанно отнёсся председатель колхоза И. Ерёмин, отнюдь не как к дополнительной рабочей силе, а как к незнакомым людям, попавшим в беду. По-деловому, сочувственно обошёлся на Крайнем Севере начальник промысла к заброшенным в небытие женщинам, старикам и детям. Несмотря на жестокость власти к российским немцам, простые русские люди, да и не только русские, помогают им обжиться, чем могут, кормят. До крика души, до боли в сердце написана сцена, когда к только что прибывшим переселенцам «неожиданно, тяжело шагая, пришла кладовщица, крупная, грудастая, с грубоватыми и усталыми чертами лица, в широком прорезиненном плаще, принесла ведёрный бидон подсолнечного масла, аромат которого тут же разлился по амбару, расширяя от возбуждения предстоящего ужина невидимые в темноте голодные глаза людей, поставила сосуд у ног и на удивление мягким, певучим голосом сказала:

— Это вам от меня, чтоб затируху из ячменя заправить.

Помолчала; не дождавшись ответа, продолжила с той же мягкой интонацией:

— Завтра чуть свет всем бабам велено прийти на переборку картошки. Там наварим прорву картошки, нажрётесь!

Она внимательно всматривалась в застывшую массу людей, в омертвевшую темноту амбара, удивлённо и испуганно спросила:

— У вас детей нет, что ли? Ни голоска, ни писка.

— Есть дети,— ответил тоненький девичий голосок.— Молчат все, есть хотят, терпят, боятся.

— Кого ж бояться? Волков нет,— всё так же певуче успокоила кладовщица.

— Новой дороги, вагонов телячьих. Они страшнее волка».

В романе не много отведено места месячному переезду изгнанников, тем страданиям, которые выпали на долю отверженных, но приведённый эпизод говорит сам за себя.

Матрёна за ужином стала расспрашивать дочь: кто такие немцы? откуда их пригнали? Та сама ничего не знала.

«Из комнаты вышел, опираясь на костыль, больной муж, тяжело дыша, сказал:

— Немцы снова на Москву прут... С этих, что пригнали, поди, беда наша?

— Бабы там да старики. Детишек не слышно. Перепуганы, немтыри немтырями, прости меня, Господи, грешную, за такие слова. Они, что ли, ту войну затеяли?

— Знамо дело, не они, но их племя.

— Помню, белая война пришла к нам. Жил наш тятка не чета нам — сытно да справно, в мире жил. В глуши этой с кем ему воевать? А вот нашли, выдернули его из хозяйства, на войну бросили против своих же мужиков. Другие пришли, красные,— в отместку дом пятистенный из листвяга, тяткой срубленный, вечный, спалили! Он виноват ли? Оглашенный ты, бестолочь,— рассердилась Матрёна.— Вот и эти так же жили себе, не тужили... За что ж им такая доля?

— Видать, нашкодили,— сделал вывод муж Матрёны.— Просто так чирей не садится.

— Помалкивал бы, хвилософ безбородый. Знай своё дело: с носа кап да в рот хап. Лучше будет,— зло сказала Матрёна.— Ты вон тоже нашкодил. Никак не хотел в колхоз вступать, своим умом жить норовил. Оттого на лесосеку попал, чахотку схватил. Теперь мыкаем горюшко! Сидишь у меня на шее».

Философская оценка всеобщего деспотизма власти, предложенная в романе, позволяет сделать выводы: власть сумела всё-таки заставить народ строить светлое будущее всего человечества, сплотила его в борьбе с фашизмом, но в корне своём оказалась антинародной и совершала одну ошибку за другой. Одной из краеугольных ошибок явился слом нэпа и насильственная ликвидация частной собственности, на чём основана жизнь человека со времён сотворения мира. «Он (Ленин) пошёл по обочине цивилизации и приобрёл голод. Но вовремя спохватился. Нэп дал людям кусок хлеба, жизнь дал». Об этом толкует Артуру Краузе его земляк и сосед по нарам в трудовом лагере смертников. С ликвидацией частной собственности были окончательно попораны все свободы, в том числе и свобода человеческой личности, обрублены всяческие ростки инициативы.

Тирания власти всегда влечёт для народа бедствие. Так Артур размышляет после смерти своего отца, не вынесшего душевных мук от общей работы на колхозном поле, часть которого была его собственностью со времён предков-колонистов, подтверждённой ленинским декретом о земле, от потери себя, хозяина, на свободной десятине. Вспоминается страшный голод от разрухи и продразвёрстки, когда большевиками отбирались у крестьянина не только излишки, но и его продовольственный и семенной запас. Повторение голода через мирное десятилетие не только на Украине, но и здесь, в Поволжье, есть следствие перелома хребта хозяину-частнику повальной коллективизацией,

так и не сумевшей достичь за предвоенное десятилетие того вала зерна, каков он был до реформы. «Помяни слова мои, сын, разор этот к голоду приведёт,— мрачно вещал отец». Краузе редко выезжал за пределы своей республики. О том, что страна расправляет плечи, видел по делам своего колхоза, из публикаций газет о гигантских стройках. Но, догоняя в поезде свою гонимую в Сибирь семью, обнаружил нищий народ от Волги до Енисея.

«Всюду однообразная убогая нищета: мешки, мешки, мешки, на плечах дешёвые куртки, пиджачишки... на губах ругань, крики, мат, устойчивый запах самогона... Может быть, потому, что вагон общий, не купейный? То есть вагон народный, лицо страны? Как этому не хотелось верить». И хотя он понимал, как коммунист, как руководитель, что будущее не за мелким частником, а за крупным производственным объединением, но в душе и устами отца осуждал насильственную коллективизацию, считал, что идти к коллективному труду следовало бы иным, человекосберегающим путём.

Политические реалии, психологические детали и социально-бытовые картины в книге воспроизводят не только пласты жизни изгнанного народа, но и окружающую среду сибиряков. Образное и правдивое изложение событий даёт зримые, запоминающиеся картины и обогащает содержание произведения, повышает к нему интерес. Мы видим быт героев, их дома и постройки, их аккуратность во всех своих делах и проявлениях. Они чтут свои обычаи и кухню, ставят майское дерево у ворот своей невесты и затем проводят шуточные аукционы по выкупу невест, выбирая майского короля и королеву. Даже в лихие дни изгнания, в честь окончания строительства землянок на берегу замерзающего Енисея, звучит привезённая и ставшая драгоценной скрипка. В невыносимых условиях Крайнего Севера люди находят в себе силы и показывают на Рождество маленькое представление детям с участием ряженого Пельцникеля, раздающего скудные съестные подарки, а также праздник изгнания Зимы.

Обеднённой выглядела бы оценка романа, если умолчать о важнейшей теме — любви. Драматические события в Поволжье и в Сибири, возникающие препятствия в сближении влюблённых не остужают чувства. Молодые люди наперекор невзгодам женятся, вынашивают детей и рожают новых граждан. Никогда не писавший стихи Эдик в короткой разлуке с любимой сочиняет четверостишие и читает его своим друзьям-добровольцам, идущим на фронт. Любовь придаёт силы

молодым людям и помогает выстоять в невыносимых условиях концлагеря, называемого трудармией. Эдик требует нормальной пищи за тяжелейший труд на лесоповале. Начальник лагеря знает его лично ещё с Поволжья. Справедливые требования не нравятся Карцеву, и он решает деморализовать парня, заставив копать в наказание просто яму в мёрзлой земле, тем самым давая понять, насколько узники бесправны и насколько сильна власть начальника. Показывая себя начитанным, Карцев приводит слова Достоевского, который называет каторгой бесполезную, никому не нужную работу. Копая яму всю ночь, Эдик почти сломлен физически, но перед глазами стоит образ любимой жены Эльвиры. Он знает, как она будет страдать, если он сломается и позволит добить себя этому зверю. И парень, коротко передыхая, из последних сил выполняет задание палача. Яма вырыта в заданном размере. Эдуард побеждает в этой схватке. Он помнит слова отца, который говорил: «Раб без кандалов более унижен, чем раб в кандалах, ибо второго боятся». Начальник лагеря Карцев, на совести которого смерть его воспитателя В. Фукса, боится Эдуарда Краузе, боится того, что парня сломить нельзя, его можно только убить. Если бы не любовь к Эльвире, признаётся потом Эдуард, то он бы так и остался умирать в недорытой яме.

Годы невзгод и лишений закалили не только характер героев романа, но и обострили их любовь к женщине, к семье. С тяжёлым сердцем возвращается в сибирские края вынужденный скрывать своё настоящее имя гвардеец и орденосеиц В. Смирнов (А. Краузе), так как знает, что, несмотря на победу, отношение к изгнанным российским немцам не изменилось. Он тяготится своим положением отверженного одиночки, в мыслях у него постоянно семья — жена, дети, и его, сонного, едва не разоблачает сосед по койке в общежитии. И первое, что он делает, — это тайно посещает своего сына в поселении. Эта встреча жестоко аукнулась. Уличив жену Эдуарда Эльвиру в тайной встрече со Смирновым, Карцев, запугав, насилует её. Несчастная женщина впадает в горячку и тяжело заболевает. Но сердобольная хозяйка квартиры спасает её. Эльвира и после реабилитации живёт в постоянном страхе разоблачения той жуткой ночи и рождения дочери. Эдуард через многие годы случайно узнаёт, что воспитал не кровную дочь. Но, заглушив в себе эту боль, он не открывается жене и носит эту тайну в своём сердце, никому не доверяя. Только большое, глубоко любящее сердце

способно на такой поступок. Он также сурово казнит себя за короткий малодушный любовный роман, о котором догадывается Эльвира. Но всепрощающая, единственная на всю жизнь глубокая любовь её к мужу не позволяет проявиться вспышке ревности, и их прежние чувства возвращаются, входят в нормальную колею счастливой семейной жизни.

Человеческое сердце и человеческие чувства удивительны и не поддаются никакому научному исследованию, логике, вопреки здравому смыслу. Если сердце способно любить, оно любит, если даже условия жизни нечеловеческие. Капитан лихтера Находкин оказался не только человеком с большим сердцем: он всё сделал, чтобы его пассажиры, гонимые на рыбный промысел Кандайки, не голодали. Но он ещё и способен на любовь к женщине, которая ему приглянулась. Движение сердца не остановили ни принадлежность к неудобной власти нации, ни неудобства, которые могут возникнуть при заключении брачного союза, ни материальные затруднения. Наоборот, он готов разделить с ней все тяготы лихой години, но быть вместе. И если Находкину добиться совместной жизни с вдовой Гейтц проще — у него связи, у него плавающий дом, то бригадиру вольных рыбаков Статейнову не удаётся увезти с собой в Дудинку полюбившуюся ему женщину. Тогда он по-своему решает этот вопрос: навсегда перекочёвывает на затерянный на краю планеты богатый рыбный промысел и в новогоднюю ночь устраивает свою свадьбу.

Эти два эпизода — не проходные и не из ряда вон выходящие в жизни изгнанников и местных жителей. Это типичное. И это массовое явление как бы закрепляется в третьей книге, когда, уже в послевоенное время, вопреки воле родителей и своего окружения, молодой комсомолец женится на немке и уезжает из родного села поднимать целинные земли. Всепобеждающая сила любви — для неё не существует противных законов. Над ней властна только смерть!

Есть и ещё одна важная тема в романе — это борьба лучших представителей российского немецкого народа за объединение депортированных людей на одной территории в Поволжье, на родине их предков, среди которых неутомимый и энергичный Валерий Гейтц. Но эта тяжкая, надрывная борьба не увенчивается успехом. Власти выгодно держать расселённым на огромной территории Сибири и Казахстана трудолюбивый народ, ей неудобно всенародно признать совершённые ранее преступления против личности. «Вы же реабилитированы,— говорит

А. И. Микоян делегатам от регионов, где густо проживают российские немцы,— мы вас награждаем за ударный труд. Но объединить вас не можем, это очень дорого. Потом, у вас нет территории». Но делегаты настаивают и просят сказать хотя бы правду о депортации в центральной прессе, а не только в немецкой газете, чтобы эту правду мог знать каждый гражданин страны. Однако и в этом отказано, хотя прошли десятилетия со дня изгнания. Для активистов за объединение это не проходит бесследно, на них на местах оказывают давление: одних увольняют с работы, других исключают из партии. Что и говорить, очень не хотелось лишней раз признавать явные и грубейшие ошибки недавней истории, поскольку власть многое унаследовала от большевизма. Да она, собственно, и не скрывала своей преемственности, прикрываясь лозунгом «ленинских принципов», продолжала городить тот же огород: ограничение митингов и шествий (расстрел рабочих в Новочеркасске), ущемления свободы слова (печать, радио и телевидение только партийно-советской идеологии, и нет оппозиционной), гонка вооружений, гигантские, подчас неоправданные стройки (Красноярская ГЭС, где часть агрегатов простаивает, до сих пор нереализованный БАМ, «Крастяжмаш» (экскаваторный завод), профилируемый для выпуска сверхтяжёлых танков, а зарплата как была мизерной, так и осталась — десять-пятнадцать процентов от заработанного рубля); скрытый террор в отношении инакомыслящих (психушки) и открытое шельмование людей с прогрессивными взглядами, отстаивающих свободу личности,— диссидентов (Солженицын, Белявский, Сахаров). По-прежнему в партийно-советской структуре жили окрик, грубость, администрирование, росли коррупция, взятки. Не извлекла ведь власть (ЦК КПСС с генсеком) из всех прошлых ошибок и просчётов кардинальных выводов. В лихорадочном поиске повышения производительности труда и роста материального блага народа она топталась на месте и не нашла золотой середины в управлении государством, поскольку и не думала возвращаться к реставрации частной собственности на средства производства, хотя бы частичной — в отрасли быта, торговле. Начавшаяся перестройка, настороженно встреченная народом, вылилась в неуверенность власти в своём начинании, в дефицит товаров, в растущее недовольство трудящихся своим жизненным уровнем, в падение авторитета партии, итогом чего стали предательство верхушки и развал СССР, последовавшее за ним

беспрецедентное расхищение богатств страны частными лицами, неслыханные многомиллиардные махинации чиновников, то бишь узаконенный передел собственности кучкой алчных и наглых людей, стоящих у власти. Эти выводы напрашиваются из событий трилогии, а конкретным отражением политики умолчания и непризнания своих ошибок властью в третьей книге «В ожидании рассвета» стал неудержимый отток российских немцев на историческую родину, а заодно и сепаратистские настроения во многих автономиях и регионах.

Болезненно переживает отток своих земляков учёный агроном Эдуард Краузе, сумевший собрать вокруг себя в целинном совхозе и бывших карловчан, и других изгнанников, вынесших на своих плечах кошмар трудовой армии, но не утративших трудолюбия и тяги к земле. Он с упорством тяжеловоза, несмотря на продолжающиеся ограничения для российских немцев в передвижении, учёбе в вузах, а потом неоднократные, уже не как к немцу, а к агроному, несправедливые окрики высоких партийных чинов, тянет свой воз. Уже на сибирской земле он становится её патриотом и не собирается никуда уезжать с земли, на которой создал себе имя и накопил солидный трудовой и научный багаж, так же как его друг и соратник Роман. И всё же он в претензии к существующим порядкам, к той неуверенности в будущем, из-за которых тянутся вереницы его соотечественников за рубеж в поисках лучшей доли.

Неполным был бы этот краткий анализ без образа председателя колхоза И. П. Ерёмину, встретившего переселенцев на чужой для них земле. Он — участник финской войны, «моложавый, чисто выбритый мужик в армейском бушлате и фуражке, на деревянной ноге», — таким видит его читатель. Иван знает, что такое нужда, голод и холод. Он озабочен делами колхоза и удивлён таким пополнением: «Работа найдётся, жилья нет, будь она неладна. Одни бабы. Где ж их мужики? Побили?» На свой страх и риск, без продовольственных карточек, кормит людей ячменной затирухой, сдабривает подсолнечным маслом. Он сух в обхождении, немногословен, устраивает переселенцев в амбаре, помогает материалами при строительстве землянок, обеспечивает работой всех, а значит, и пайком. Довольный, что молотба хлеба в овине идёт хорошо и план хлебосдачи опережает график, он, тем не менее, огорчается, когда весь хлеб переселенцы неожиданно быстро обмолотили. «Работаете-то вы хорошо, а вот что теперь есть будете?» —

сказал он, когда Эдуард отрапортовал, что последние снопы обмолочены. В этой реплике видно глубокое человеческое сочувствие такому же труженику, как и сам, ибо во время молотьбы он ежедневно выдавал переселенцам по мешку ячменя, а теперь этой дополнительной пайки не будет. Озабоченный уймой повседневных дел, он не ожесточился к пришлым людям и, видя в переселенцах настоящих тружеников, сочувствует им. Когда женщин и девушек в шестнадцать лет угоняют в трудармию, оставляя беспризорными малолетних детей, он склонен размышлять о жестокости власти, олицетворяя её с конкретным человеком: «Если сам не греешь — погрей свою душу возле людей, глядишь, проснётся в тебе то необъяснимое явление, которое рождает тепло души».

В борьбе за выживание под беспощадными гусеницами особого отдела ломались многие люди, и хруст их костей и душ звучит в романе. Эта иезуитская струна особистов протянута через всю трилогию, начиняет страхом жизнь героев произведения. Завербованный Андрей Гютенгер, сломленный побегом отца из лагеря, несущий за него ответственность и боящийся за судьбу своих близких, не до конца упал в трясины предательства. Его душа вступает в единоборство с самим собой; стыдясь своей тайны, он решает покончить жизнь голодной смертью — и покончил бы, лёжа в страшном санитарном бараке. Но полученное от отца известие, что он тоже в лагере на Крайнем Севере, возвращает ему мужество, и он решает жить и бежать. Но, оказывается, тайны его не существовало, о вынужденных доносах на своих товарищей знал его друг Эдуард, который едва не платит жизнью за малодушие своего земляка и одноклассника. Но великодушие узника настолько велико, что он прощает Андрею доносы и забирает его в свою бригаду, стремясь вылечить своего друга от язвы желудка. «Андрюша, ты не терзай себя, я всё знаю о твоей вербовке Карцевым... Это не твоя вина... Мы выросли вместе и не имеем права бросать в беде друга». Наверное, проще было бы Эдуарду заклеить позором и ненавистью Гютенгера. Но этот лёгкий путь он отвергает, решает его спасти. Возникает глубокая психологическая драма, казалось бы, неброско преподнесённая автором, но строки, написанные им, сотрясают сознание, которое ощущает глубочайшую, гнуснейшую пропасть, в которую сталкивали подручные власти многие тысячи обречённых. Но на то и существуют душа человека и разум, чтобы понять и простить. А как трогательно подана

Дружеская ладонь Эдуарда «с горстью жёлто-коричневых, слегка отливающих нечищенной бронзой кедровых орехов.— Бери, щёлкай». При поддержке товарища Андрей видит себя обновлённым человеком, и он стал бы таковым, а это нравственная победа над жестокостью власти, но смерть настигает его уже на новом месте, и он умирает на руках своих друзей. Трагедия подлости не остановлена, она продолжается и по сей день.

Для отображения многоплановой жизни многочисленного трудолюбивого народа, выросшего из колонистов на протяжении нескольких веков, в романе найдены различные средства. С замиранием сердца читаются неотрывно страница за страницей, строки стремительно бегут, увлекая, завораживая, притягивая к себе магнитом событий и образов, открывая различные картины быта, труда, человеческих отношений и различных поступков героев: это и любовь отца к сыну, матери к дочери, юноши к девушке; это картины исторических событий, трагических и ужасных, в которых, казалось, людям не выжить, но они, полные любви, помогают друг другу в этой отчаянной борьбе и всё же выживают. И всюду нас сопровождают то меткая поговорка, то образное сравнение, то крылатая фраза, несущая откровения героя к данной ситуации и, безусловно, доходчиво воспринимаемая читателем. Только одних крылатых фраз, граничащих с афоризмами, можно набрать на несколько страниц. Например: «...величие, замешанное на крови, всегда дурно пахнет»; «истинное сокровище не то, что ты случайно нашёл, но та сила, которая заставляет искать истину»; «мужество, озарённое знанием и верой, невозможно сломить»; «сильная воля — мать нравственности, образованный разум — её отец»; «ножницы садовника могут сделать из тополя произведение искусства, но из человека, позволяющего стричь его совесть, получится урод»...

Скучно, как бы экономя место, но изобразительно точно передаются волжские и сибирские просторы, а также просторы Крайнего Севера. Автор использует пейзажные зарисовки и явления природы не ради красоты, а они служат дополнением к раскрытию образа героя, его мыслей и переживаний. Подчас они насыщены поэтическими образами. «Вечер только начинался, но на западе уж потухал закат, извещая крестьянина, что пора на покой, погреть у очага натруженную спину, попить горячего чая: были, мол, дни подлиннее, в которые и надлежало управиться с хозяйством. Долог крестьянский марафон... Всё, милоч, Создателем предусмотрено, всё Им заложено: время для

ораницы и время для накопления сил; будь мудр, следуй Божиим законам — здоров и силен будешь...» Горькие мысли А. Краузе под стать полыни: «И всюду на потревоженном гумусе роскошно качала своими барашками горькая полынь-трава. Он знал её привкус и сейчас сравнивал со своим состоянием. Она, полынь, рассыпана по земле, как горе наше...» Несмотря на войну, на точащую сердце неизвестность, влюблённые живут своей любовью. «Дождя не ожидалось, потому что облака плыли высоко в небе, они медленно ползли на восток, открывая глубокие прогалыны, из которых в беседку к влюблённым заглядывали звёзды, лукаво подмигивая, словно стремились сами вступить в их игру, но они понимали, что третий здесь лишний, и снова на неопределённое время задёргивали облачные шторы...»

Для выражения характера и лепки психологического портрета автор применяет речевые характеристики. Нетерпеливая натура одного из главных героев Валерия Гейтца делает его носителем резкого и категоричного тона, из-за которого он попадает в число неблагонадёжных. И он бы давно поплатился за свой язык, но наказывать уж нечем — он и так находится на краю континента, в бескрайней тундре, без прав и без средств на выживание. Спокойная, аргументированная и афористичная речь характерна для А. Краузе. Стремится подражать ей его сын Эдуард, хотя в силу своей молодости у него что на уме, то и на языке. И эта прямолинейность высказываний едва не привела его к трагическому исходу. Даже после экзекуции Карцева, едва не расставшись с жизнью, Эдуард дерзко отвечает на каверзный вопрос своего палача: «Я отвечу мягче того, что думаю: коммунисты, а вы их представитель, изобретательны и находят оригинальные методы воспитания своего народа. Но чтобы увидеть дальше других, к чему это приведёт, не хватает одного — острого ума». Несколько торопливая, но немногословная, примирительная речь принадлежит смелому и очень совестливому Августу Гютенгеру, рискующему жизнью, но выполняющему свой гражданский долг перед земляками. Он совершает побег из лагеря, чтобы раздать своим землякам обменные колхозные квитанции на фураж и скот, которые так и не были отоварены. И.о. начальника промысла М. Зверев шепеляв, кособок, груб, и речь его резка и груба: «Эти чертовки меня ухайдокают. Дай охрану».

Сдержанно, короткими литературными мазками, автор рисует образы исторических личностей. Джугашвили-Сталин появляется в романе несколько раз. В канве трагического

повествования найден тот верный, на наш взгляд, психологический образ вождя, какой не выбивается из контекста произведения и не может быть иным. Сцена, когда Сталин заставлял всех своих соратников взгромождаться друг на друга, чтобы сломать деревянную фигурку переселенца, сама по себе карикатурна, но она с ужасающей силой подчёркивает то, как неверно поступили его правительство и он сам с народом-тружеником. И вождь удивлён тем, что немцы БАЗстроля, живя в нечеловеческих условиях, собрали крупную сумму для строительства танков и самолётов. Неоспоримый факт патриотизма навёл его на размышления: «Эти немцы действительно доказывают свой патриотизм. Что это — национальная черта или идеологическое воспитание? — раздумывал Сталин... — Если бы тогда, в сорок первом, мы, снимая военных с фронта, отправили их на Дальний Восток — надёжный был бы заслон против японцев? Где теперь комдив Гаген, который успел отличиться в первых боях и получить самый высокий орден? Почти сорок тысяч бойцов и офицеров, понюхавших порох...» Несколько одиозно и карикатурно нарисован психологический портрет

Литературные чтения романа «Перекасти-поле» В. Нестеренко в Гамбурге, посвящённые трагической дате — 70-летию депортации в Сибирь и Казахстан немецкой Поволжской автономной республики. На снимке — фрау Инесса Шнайдер

начальника управления лагерей В. Г. Наседкина. Он мучается от постоянно возникающей в памяти труднопроизносимой фамилии — Эндрауп — переселенца, расстрелянного за высказанную в глаза своим палачам правду. «Судьям, конечно», — поправил себя Наседкин. И эта неприятно сверлящая мозг фамилия возникает накануне доклада о делах в ГУЛАГе самому Берия. «Пусть докладывает Берии мой первый заместитель», — решает начальник. И напротив, сдержанно, но с симпатией предстаёт образ начальника Тагиллага в истории Тамары и Христиана: когда он узнал об их любви, простил влюблённым вольности и вместе под баян пел песни.

Психологический ли портрет персонажа, а автор тяготеет к нему, считая это более важным, чем то, как человек выглядит внешне, или только штрихи образа, но то и другое помогли создать Владимиру Нестеренко яркое и целостное литературное полотно о трагедии одного из народов нашей Родины. Однако роман «Перекасти-поле» — не только о трагедии российских немцев, в нём зримо связаны в единый тугой узел беды и великие свершения всего российского народа, и консультантами автора были как простые люди, с кем он жил и живёт рядом, так и учёные-историки, труды которых опубликованы. Но, к сожалению, таким же малым тиражом, как и наша трилогия.

Владимир Георгиевич Нестеренко. «Перекасти-поле», роман в трёх книгах: первая книга — «Изгнание», вторая книга — «Под удар топора», третья книга — «В ожидании рассвета».